

И. Йордан. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. Перевели с рум. С. Г. Бережан и И. Ф. Мокряк. Под ред. и с примеч. Н. Г. Колотян. Предисл. Р. А. Будагова. — М., изд-во «Прогресс», 1971. 619 стр.

Автор рецензируемой книги И. Йордан является ученым с мировым именем. Будучи учеником А. Филиппиде, основателя яесской лингвистической школы, И. Йордан получил возможность продолжить свое образование в Бонне, Берлине и Париже у таких видных лингвистов, как В. Мейер-Любке, Ж. Жильерон, А. Мейе, М. Вагнер, Л. Шпитцер и др. Вот уже шесть десятилетий маститый ученый продолжает весьма плодотворно трудиться на поприще романского и главным образом румынского языкознания¹, печатая свои многочисленные исследования на разных европейских языках и в разных странах². Его перу принадлежат интересные работы в области топонимии, грамматики, стилистики, лексики, общей романистики, испанского языка и литературы, филологии и др. Советскому читателю И. Йордан знаком по переводу в 1950 г. на русский язык его грамматики румынского языка.

Среди монографических трудов И. Йордана особое место занимает книга «Романское языкознание». Впервые эта работа вышла в 1932 г. в Яссах под названием «Введение в изучение романских языков. Развитие и современное состояние романского языкознания»³. Через некоторое время книга была переведена на английский язык Дж. Орром, который дополнил ее библиографическими данными⁴. В 1962 г. И. Йордан переиздал свое «Введение...» в совершенно переработанном виде под названием «Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы»⁵.

Почти одновременно это сочинение было переведено с авторской рукописи на немецкий язык⁶ акад. В. Баером, который дополнил книгу двумя новыми главами «Из предистории романского языкознания» и «Структурные методы применительно к романским языкам», а также обновил библиографию. Спустя еще пять лет сочинение И. Йордана с рядом дополнений издается в Мадриде на испанском языке⁷.

Русский перевод рецензируемой книги осуществлен с румынского издания 1962 г.

Как справедливо отмечает в предисловии Р. А. Будагов, труд И. Йордана «Романское языкознание» коренным образом отличается от имеющихся общих руководств, обзоров и учебных пособий по романскому языкознанию⁸. Дело в том, что автор поставил перед собой задачу критически изложить не историю романских языков, а историю романистики, науки о романских языках. Таким образом, исследование И. Йордана выступает как «единственная в своем роде монография, дающая широкую картину развития школ и направлений в романском (а иногда и в общем) языкознании XIX и первой половины текущего столетия» (стр. 5).

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из предисловия к румынскому изданию, предисловия к русскому изданию, четырех глав, заключения, библиографических указаний, условных сокращений и трех видов указателей: а) предметного, б) именного и в) указателя слов.

Первая глава книги посвящается романскому языкознанию до 1900 г. (стр. 13—127). И. Йордан по праву считает, что до начала XIX в. не приходится говорить о научном романском языкознании, хотя вклад предыдущих эпох в подготовку почвы для подлинно научного подхода к проблемам романистики не может быть сброшен со счетов.

¹ I. Iordan, Einführung in die Geschichte und Methoden der romanischen Sprachwissenschaft (ins Deutsche übertragen, ergänzt und teilweise Neubearbeitet von W. Bahner), Berlin, 1962.

² I. Iordan, Lingvistica romanică. Evoluție — Corrientes — Métodos (Re-elaboración parcial y notas de Manuel Alvar), Madrid, 1967.

³ См., например: Э. Бурсье. Основы романского языкознания, М., 1952; W. Elcock, The Romance languages, London, 1960; C. Tagliavini, Le origini delle lingue neolatine, 4 ed., Bologna, 1964.

¹ В октябре 1971 г. акад. И. Йордану исполнилось 83 года. Первая его научная работа была напечатана в 1911 г.

² Общее количество его работ достигает примерно 450 (см. библиографию в юбилейном сборнике в честь 70-летия И. Йордана «Omăgiu lui Iorgu Iordan», București, 1958, стр. XV—XXX. Продолжение перечня трудов И. Йордана дано в его «Избранных работах»: I. Iordan, Scrieri alese, București, 1968, стр. VII—XIV).

³ I. Iordan, Introducere în studiul limbilor române. Evoluția și starea actuală a lingvisticii române, Iași, 1932.

⁴ I. Iordan, An introduction to Romance linguistics. Its schools and scholars. Revised, translated and in parts recast by J. Orr, London, 1937. Сп.: I. Iordan, Introduction to Romance linguistics, revised by R. Posner, 1970.

⁵ I. Iordan, Lingvistica romanică. Evoluție. Curente. Metode, București, 1962.

Данте Алигьери, а за ним целая плеяда представителей эпохи Возрождения и последующих столетий: Робер Этьенн, Анри Этьенн, Юстус Иозеф Скалигер (во Франции), Элио Антонио де Небриха, Себастьян Коваррубиас-и-Ороско (в Испании), Лодовико Муратори (в Италии) и др. оставили серьезные работы по романским языкам. Однако истоки романского языкознания следует искать в романтическом движении XIX в., а создателем романистики в строго научном понимании этого слова нужно считать Фридриха Дица (1794—1876). Усвоив сравнительный метод Ф. Боппа и исторический метод Я. Гримма, Дич создает известную «Грамматику романских языков»⁹ в трех томах и как естественное дополнение к ней — «Этимологический словарь романских языков»¹⁰. Из ближайших продолжателей идей Фр. Дица автор «Романского языкознания» называет итальянца Г. Асколи, которого можно считать основателем романской диалектологии, и француза Г. Париса, непосредственного ученика Дица и создателя целой лингвистической школы во Франции.

Большое место в I главе уделяется критическому разбору основных идей школы младограмматиков с ее выдающимися представителями Г. Остгофом, К. Бругманом, Г. Паулем и др. Из числа крупнейших романистов — убежденных сторонников младограмматической концепции — выделяется В. Мейер-Любке (1861—1936), оставивший неизгладимый след в романском языкознании своей фундаментальной «Грамматикой романских языков»¹¹ и монументальным «Этимологическим словарем романских языков»¹², который «до сих пор является настольной книгой каждого специалиста»¹³. Однако младограмматика с момента опубликования своего манифеста (1878) встретили сильную оппозицию со стороны известных лингвистов того времени Г. Курциуса, Г. Асколи, Г. Шухардта и др. Младограмматиков справедливо упрекали в преувеличении роли фонетических законов, действующих, по их мне-

нию, без исключения, принципа аналогии и психологического фактора в языковых изменениях и др.

В конце I главы Й. Йордан останавливается, в частности, на анализе метода «слов и вещей» (*Wörter und Sachen*). По его мнению, история языка «создается параллельно с историей культуры» и эти стороны «приносят друг другу и в то же время получают друг от друга большую пользу» (стр. 103).

Поборниками метода «слов и вещей» были Р. Мерингер, отдавший ему более тридцати лет своей жизни, Г. Шухардт, М. Вагнер и др.

Вторая глава «Романского языкознания» озаглавлена «Идеалистическая, или эстетическая, школа К. Фосслера» (стр. 128—217). В историю языкознания мюнхенский романист К. Фосслер вошел как самый ярый противник младограмматиков. Основные положения идеалистической доктрины этого ученого хорошо известны: язык — это выражение человеческой души; грамматика составляет часть истории стиля, а порядок слов имеет свое происхождение в «духе языка»; существует только индивидуальная речь; от стилистики к синтаксису, ибо лишь стилистика является наукой о языке в строгом смысле слова; абсолютный прогресс языка может изучаться только с эстетической точки зрения и т. д. Бесспорно, в доктрине Фосслера имеется и много положительного, однако идеалистическая философская концепция мюнхенского ученого «помешала ему найти правильное решение основных проблем языкознания» (стр. 161).

Самой объемистой оказалась третья глава, посвященная лингвистической географии (стр. 217—410), в которой дается подробное описание истории возникновения этой отрасли лингвистики на основе изучения романских языков (Ж. Жильерон, Ш. Брюно, Я. Юд, К. Яберг и др.) и создания лингвистических атласов¹⁴. На современном этапе развития языкознания популярной стала идея создания лингвистических атласов, которые по своему охвату материала вышли бы за пределы территории одной страны (ср. Общеславянский ат-

⁹ Fr. Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bonn, 1836—1843.

¹⁰ Fr. Diez, *Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen*, Bonn, 1854.

¹¹ W. Meyer-Lübke, *Grammatik der romanischen Sprachen*, I—Lautlehre, Leipzig, 1890; II—Formenlehre, 1893; III—Syntax, 1899; IV—Register, 1902 (имеется и французский перевод).

¹² W. Meyer-Lübke, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1911—1920 (3-е изд. — 1930 и 1935 гг.).

¹³ Р. А. Будагов, [рец. на кн.:] I. Iordan, *Lingvistica romanica. Evoluție, Curente. Metode*, ФН, 1965, 3, стр. 162.

¹⁴ Любопытно отметить, что Ж. Жильерон на основе своего лингвистического атласа отрицал вообще наличие диалектов, а М. А. Бородин, на базе того же атласа, пришел к прямо противоположному выводу: она доказала существование диалектов во Франции. «Жильерон, — пишет советский исследователь, — „из-за деревьев не увидел леса“, т. е. из-за отдельных диалектальных черт не увидел диалекта в целом» [М. А. Бородин, *Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка)*, М. — Л., 1966, стр. 35].

лас, Средиземноморский атлас, атлас Европы и др.)¹⁵, реальной стала идея написания фольклорной географии¹⁶, структурной диалектологии и др.

В самом конце III главы «Романского языкознания» находим краткие сведения о неолингвистике, принципы и методы которой представлены в некоторых работах Дж. Бертона и М. Бартоли. В основе доктрины неолингвистов лежат идеи Гумбольдта — Кроче — Фосслера. По мнению Й. Йордана, настоящим неолингвистом является только М. Бартоли, который развивает теорию этнического субстрата, теорию Г. Шухардта о смешении языков¹⁷ и т. д.

Четвертая глава озаглавлена «Французская лингвистическая школа» (стр. 410—572). Создателем этой школы является Ф. де Соссюр, доктрина которого получила мировую известность после опубликования *post mortem* его знаменитого «Курса общей лингвистики» (1916). Й. Йордан высказывает целый ряд критических замечаний в адрес соссюрской теории. По его мнению, тезис Ф. де Соссюра о строгом разграничении «языка» (*langue*) и «речи» (*parole*) «не соответствует действительности» (стр. 429), ибо эти два аспекта речевой деятельности «составляют неразрывное диалектическое единство: ни один из них нельзя себе представить вне или независимо от другого, они оба взаимно обусловлены, поскольку „язык“ — это общее, а „речь“ — частное» (стр. 430). Нет достаточных оснований принять идеи Соссюра о разделении лингвистики на внутреннюю и внешнюю и об абсолютном противопоставлении синхронии и диахронии. «Цель лингвистики, — пишет Й. Йордан, — состоит в том, чтобы изучать язык в его связи с другими социальными явлениями, точнее говоря, в связи с обществом, создавшим его и непрерывно его развивающим» (стр. 431). Еще более спорным и в принципе неверным является тезис, высказанный в конце «Курса...» о том, что

«единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»¹⁸. Й. Йордан замечает, что некоторые представители структурных школ Европы и Америки, усвоив эту абстрактную лингвистическую концепцию, довели ее «до такой степени, что она выходит за любые воображаемые пределы нормального человеческого понимания» (стр. 432). Критически оценивает румынский ученый соссюрское понимание природы языкового знака (и языкознания как отрасли семиотики), систему «чистых отношений» и, добавив от себя, тезис о том, что в языке «все связано» (*tout se tient*).

С особым уважением и теплотой автор «Романского языкознания» анализирует содержание основных трудов последователей и учеников Соссюра. Среди них почетное место по праву занимает А. Мейе, чьи работы по общему языкознанию, по классическим языкам, по славянским, германским, и шире — по всем индоевропейским языкам, вместе взятым, — широко известны. Для Мейе язык — социальное явление и должен рассматриваться как система. Любое изменение в социальной структуре необходимо вызывает языковые изменения, а при соседстве двух языков имеют место различного рода заимствования (главным образом в лексике), причем язык, пользующийся престижем, играет роль кредитора, а второй — роль должника и т. д.

Если Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ж. Вандриес вошли в историю языкознания как индоевропейцы, то другие представители французской социологической школы: Ш. Балли, А. Сешез, Ф. Брюно, М. Граммон, Л. Сенеан, А. Доза и др. считаются, главным образом, романистами, исследовавшими различные аспекты французского языка.

Так, Ш. Балли занимался по преимуществу стилистикой. В отличие от Л. Шпитцера, который смешивал стилистику с изучением стиля, Ш. Балли полагает, что стилистика является строго лингвистической дисциплиной, а изучение стиля относится к эстетике или литературоведению. У Шпитцера метод исследования индивидуально-психологический, а у Балли — социально-психологический. Для него источник экспрессивности слов и выражений лежит в определенных душевных состояниях, общих для людей всех времен и всех стран. Й. Йордан подчеркивает, что новая ориентация в стилистике наметалась советскими лингвистами во главе с акад. В. В. Виноградовым.

Другой ученик Соссюра, А. Сешез специализировался в основном на синтак-

¹⁵ О современном состоянии «лингвистической географии» и диалектологии романских языков см. доклады М. Алвара и М. А. Бородиной на XII Международном конгрессе по лингвистике и романской филологии. («*Actele celui de al XII-lea Congres International de Linguistică și Filologie Romanică*», I, București, 1970, стр. 77—97, 209—215).

¹⁶ Первая удачная попытка в этой области уже была сделана Р. Менендесом Пидальем.

¹⁷ Вопрос о «смешанных языках» (*gemischte Sprachen*) вызвал горячие споры на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте 28 августа — 2 сентября 1967 г. в связи с докладом акад. Эм. Петровича.

¹⁸ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 207.

сисе. Он рассматривал вопросы грамматики вообще и синтаксиса в частности в тесной связи с мыслительным процессом, логикой и психологией.

Своеобразным учеником основателя французской социологической школы оказался Ф. Брюно. В своих исследованиях по истории французского языка, грамматике, стилистике, в области соотношения мышления и речи, Ф. Брюно, в частности, показал те затруднения, которые появляются у грамматистов и языковедов при попытке определения частей речи, при подаче материала в грамматиках и т. д. Ф. Брюно предлагает свой метод: нужно отправляться от содержания и приходить к форме его выражения, т. е. от мысли к языку, от мысли к формам, а факты классифицировать не в порядке знаков, а в порядке идей.

Среди других последователей Соссюра отмечаются М. Граммон, занимающийся, главным образом, вопросами общей фонетики, Л. Сенеан, написавший ряд исследований по арго¹⁹, А. Доза и др.

В «Заключении» своего фундаментального труда И. Йордан жалуется о том, что «романистика сегодня не сохраняет привилегированного положения „руководительницы“ своих сестер». Для устранения кризисного положения автор предлагает опираться на «марксистское учение, согласно которому язык, как выражение мышления и как продукт коллективной человеческой жизни, должен исследоваться с учетом этих двух аспектов проблемы» (стр. 572).

Оценивая по достоинству замечательное сочинение И. Йордана, вместе с тем позволим себе высказать и некоторые пожелания.

Нам представляется, что название книги несколько не соответствует ее содержанию. Дело в том, что романское языкознание рассматривается автором (особенно в I и II гл.) в русле общего языкознания, ибо, как справедливо отмечает И. Йордан, «до самого конца прошлого столетия романистика развивалась порой в очень сильной зависимости от индоевропеистики» (стр. 124, см. и стр. 410). Но в силу естественных причин в книге невозможно было дать ни пространственного изложения проблем общей лингвистики во всей их сложности и противоречивости, ни всестороннего анализа романского языкознания. Поэтому думается, что книгу удачнее было бы назвать «Из истории общего и романского языкознания».

В этой же связи есть основание предположить, что работа могла выиграть от введения отдельной главы с анализом состояния романского языкознания в пе-

которых нероманских странах. Хотя школ, наподобие французской, тут не встретим (за исключением Германии), все же заслуги романистов этих стран немалые. Например, в России, а после Октября в СССР, создавалась своя школа романистики с такими ее видными представителями, как акад. А. Н. Веселовский (в Петербурге), проф. В. В. Богородицкий, проф. Н. В. Крушевский (в Харькове), проф. С. В. Савченко (в Киеве)²⁰, акад. Л. В. Шерба (истати, он учился в Париже у А. Мейе и Ж. Вандриеса), акад. В. Ф. Шиммарев (во Франции его учителями были Г. Парис, А. Тома, испанист Морель-Фасьо, провансалист К. Шабано; во Флоренции — Пио Райна и Э. Пароди), М. В. Сергеевский, М. С. Гурычева и др.²¹. Так же как и в других странах, в России и в СССР романистика развивалась в тесной связи с индоевропеистикой и общим языкознанием, опираясь на труды отечественных ученых И. А. Бодуэна де Куртене, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова и др. Если ко всему сказанному добавить еще и тот факт, что в СССР имеется и своя республика с романским языком — Молдавская ССР, где также раз-

²⁰ Библиографию работ, написанных в XIX в., см.: Д. Е. М и х а л ь ч и, Из истории отечественной романистики, в кн.: «Вопросы романского языкознания (Материалы Первого Всесоюзного совещания по романскому языкознанию)», Кишинев, 1963, стр. 197—202; его же, *Le français en Russie*, «Actele celui de al XII-lea Congres International de lingvistică și filologie romanică», II, București, 1974, стр. 1029—1034; А. Т. Б о р щ, Из истории отечественной молдавистики, в кн.: «Исследования в области латинского и романского языкознания», Кишинев, 1961, стр. 393—400.

²¹ Мы не упоминаем целую плеяду ныне здравствующих советских романистов, которые продолжают идеи своих учителей, плодотворно трудясь в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Кишиневе, Харькове, Львове и в других университетских центрах. Прекрасное резюме работ советских романистов, а также подробная научная библиография, охватывающая период с 1945 г. по 1958 г., дается в кн.: М. А. Б о р о д и н а, В. Г. Г а к, Изучение западнороманских языков в СССР (1945—1958), Минск, 1968. См. также доклады романистов нашей страны на XI Международном конгрессе по лингвистике и романской филологии в Бухаресте 15—20 апреля 1968 г. («Actele celui de al XII-lea Congres International de Lingvistică și Filologie Romanică», I — București, 1970, II — București, 1971).

¹⁹ Подробную библиографию по арго см. у И. Йордана, стр. 530—559.

рабатываются вопросы романистики²², — то станут вполне очевидны возможности развития романского языкознания в нашей стране.

Как уже отмечалось с самого начала, в «Романском языкознании» излагаются не только идеи различных лингвистических школ и направлений, но и отношение к ним автора книги. Однако порой это отношение не совсем ясно. Приведем пример. Ж. Жильерон полагал, что одной из причин «заболевания» и гибели слов является их семантическая избыточность или полисемия (см. стр. 251). Между тем известно, что такая точка зрения на полисемию крайне спорна и это следовало бы как-то оговорить. М. Бресаль, например, считал полисемию «признаком приобретенной цивилизации»²³, а Р. А. Будагов пишет буквально следующее: «Если бы лексика современных языков утратила полисемию, она потеряла бы лучшие свои свойства: передавать понятия, представления и чувства людей во всем их сложном и подвижном многообразии»²⁴.

Можно было бы остановиться подробнее на разборе непримлемого мнения А. Мейе о том, что упрощения флексий в самых различных индоевропейских языках, а также частичное исчезновение простого перфекта следует объяснить развитием человеческой цивилизации, приводящей к абстрактному образу мышления, которое-де исключает конкретные грамматические категории (стр. 454). Согласно этой концепции, языки с меньшим количеством флексивных форм следует считать более развитыми. Бесспорно, что общее содержание мышления оказывает воздействие на историческое развитие структуры языка, но, конечно, не этим объясняется сокращение числа флексивных форм, или тем более «превосходство» одного языка над другим.

То же самое следовало бы напомнить и о К. Фоссере, который предпринял нереальную попытку объяснить выходом в свет книги Декарта «Трактат о душе» употребление во французском языке конъюнктива после *verba sentiendi*, начиная с середины XVII в.

²² См. хотя бы: сб. «Исследования в области латинского и романского языкознания», Кишинев, 1961; сб. «Вопросы романского языкознания», Кишинев, 1963; «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения», I — Кишинев, 1961, II — Кишинев, 1967; «Очерк современного молдавского литературного языка», Кишинев, 1967.

²³ M. Bréal, *Essai de sémantique*, 6 éd., Paris, 1913, стр. 143 (цит. по кн.: Р. А. Будагов, *Язык, история и современность*, М., 1971, стр. 102).

²⁴ Р. А. Будагов, *Язык, история и современность*, стр. 103.

Порой обращает на себя внимание тот факт, что некоторые школы, направления и труды отдельных ученых получают несколько беглую, а подчас и одностороннюю оценку. И. Йордан без упрека напоминает о том, что Г. Рольфс и А. Ломбард обязаны «хоть изредка говорить свое слово в науке и прокладывать новые пути» (стр. 571). А между тем, справедливости ради, необходимо сказать, что работы первого широко известны романистам, а второй является создателем целой лингвистической школы в Швеции и автором блестящих и, притом, многочисленных работ по романскому языкознанию²⁵. «Слово» названных лингвистов имеет большой резонанс в романском языкознании.

Желательно было более рельефно подвергнуть разбору нелингвистику (стр. 400—409)²⁶.

В «Романском языкознании» полностью отвергается школа Л. Вейсгербера (стр. 514—517), хотя резоннее было бы найти в ней то «рациональное зерно», которое способствует продвижению вперед науки о языке. Так поступают, по крайней мере, некоторые советские лингвисты²⁷.

Весьма скромно в анализируемом труде представлено романское языкознание XX в., что дало полное основание одному из рецензентов румынского издания спросить с недоумением: «Что же сделала романистика нашего столетия в области изучения основных уровней романских языков — их фонетики, лексики и грамматики?»²⁸ Этот вопрос всецело относится и к русскому изданию книги.

По мнению И. Йордана, современное

²⁵ См.: «Bibliographie des travaux d'Alf Lombard», в *Mélanges de philologie offerts à Alf Lombard* («Études romanes de Lund», XVIII), Lund, 1969, стр. 1—16.

²⁶ Об этом, кстати, писали и другие рецензенты (см.: M. Manoliu, «Studii și cercetări lingvistice», XV, 1964, 6, стр. 789).

²⁷ Ю. С. Степанов пишет: «Несмотря на многие спорные положения и на непримлемые для лингвиста-материалиста некоторые методические установок, эти направления (имеются в виду работы И. Трира и Л. Вейсгербера, — А. Ч.) представляют собой серьезные попытки увязать в рамках одной теории проблемы языкознания, психологии, социологии и истории культуры» (см.: Ю. С. Степанов, *Французская стилистика*, М., 1966, стр. 19). См. также: Ю. С. Степанов, *Семиотика*, М., 1971, стр. 19; Р. А. Будагов, *История слов в истории общества*, М., 1971, стр. 44—45.

²⁸ Р. А. Будагов, *ФН*, 1965, 3, стр. 161. То же в рецензии М. Манолиу (см.: M. Manoliu, «Revue roumaine de linguistique», IX, 1964, 6, стр. 566).

романское языкознание²⁰ отстает, так как романисты мало приобщаются к структурализму, не внедряют новшества, внесенные в науку о языке «представителями других лингвистических дисциплин» (стр. 567), а продолжают работать, как и прежде, «в духе, довольно близком младограмматикам» (стр. 571). Однако, спустя три года после выхода в свет «Романского языкознания» (на румынском языке — 1962 г.), ученый несколько изменил свое мнение²⁰.

*

Высказанные нами замечания имеют характер пожеланий. Они не направлены на главные идеи рецензируемого труда, а поэтому ни в коей мере не снижают его

²⁰ Данную точку зрения не разделяли некоторые рецензенты румынского издания «Романского языкознания» (см.: M. M a n o l i u, «Studii și cercetări lingvistice», 1964, 6, стр. 770; P. A. Б у д а г о в, ФН, 1965, 3, стр. 160—161).

²⁰ См.: I. I o r d a n, Probleme generale ale lingvisticii române (Raport prezentat la cel de al XI^{lea} Congres Internațional de Lingvistică și Filologie Romanică, Madrid), «Studii și cercetări lingvistice», 1966, 1, стр. 9—10.

высокого теоретического уровня и бесспорную познавательную ценность.

Книга «Романское языкознание» читается с особым интересом и с какой-то необычной для научных работ легкостью. Она написана чрезвычайно ярко, местами образно, что вообще характеризует научный стиль всех трудов маститого румынского ученого. И следует с удовлетворением признать, что переводчикам С. Г. Бережану и И. Ф. Мокряку, а также редактору Н. Г. Корлятину удалось в целом передать на русском языке все стилистическое богатство оригинала. Лишь в очень немногих случаях можно заметить некоторые шероховатости перевода (см. стр. 161, 162, 212, 229, 367, 428, 480, 487 и др.). Примечания, вводимые в текст Н. Г. Корлятину, делают книгу еще более актуальной, так как они ориентируют нашего читателя в библиографии затронутых проблем, разработанных русскими и советскими лингвистами.

Знакомство с монографией «Романское языкознание» И. Йордана будет весьма полезно для романистов (и вообще для языковедов) разных уровней и направлений. Книга насыщена богатым информативным материалом и побуждает читателя к размышлениям над многими проблемами современного языкознания.

А. И. Чобану

«Namenforschung heute. Ihre Aufgaben und Ergebnisse in der Deutschen Demokratischen Republik». Von einem Autorenkollektiv. Redaktion: R. E. Fischer und H. Walther.—Berlin, Akademie Verlag, 1971. 132 стр. + 2 карты.

Рецензируемый коллективный труд представляет собой популярный очерк ономастики ГДР и содержит ряд статей, цель которых — дать возможность широкому кругу читателей разобраться в сущности собственных имен и возбудить к ним интерес, показать значение собственных имен для истории, географии, археологии и др.

Во вводной I части «Имена в языке и в обществе» (стр. 7—37) рассматриваются специфика имени как языкового знака и его основная функция — название отдельных объектов с целью их идентификации в процессе коммуникации, а также соотношение имени собственного с именем нарицательным. После описания происхождения личных имен и названий мест (путем изменения функций имен нарицательных, на основе заимствования из уже имеющегося репертуара имен или посредством переноса и смещения значений внутри определенного набора имен) затрагивается роль собственных имен в художественной литературе (особенно личных имен, показывающих характер героя). В главе «Типы имен» дается подразделение имен собственных в соот-

ветствии с называемым ими объектом (географические имена и личные имена), причем названия первой группы подразделяются на имена стран, местностей, округов, водных резервуаров и улиц, а также на топонимы, т. е. названия поселений (эта детальная классификация иллюстрируется подходящими примерами). Вторая группа, личные имена, распадается на фамилии, имена и прозвища. Весьма интересны в этой связи объяснения наименования в буржуазном и в социалистическом обществе. Кроме того, имена рассматриваются со словообразовательной точки зрения. Что касается происхождения имен, то различают автохтонные (немецкие) имена и заимствованные (славянские, романские и т. д.).

В случае, когда мы имеем дело с именами, происходящими из древнеслужичского или древнеполабского языков, следовало бы говорить о реликтовых названиях и употреблять термин «заимствованное имя» только тогда, если имя происходит из собственно немецкой славянской языковой территории, т. е. из чешского, русского, польского и т. д. (Prag, Moskau, Warschau). Особого внимания